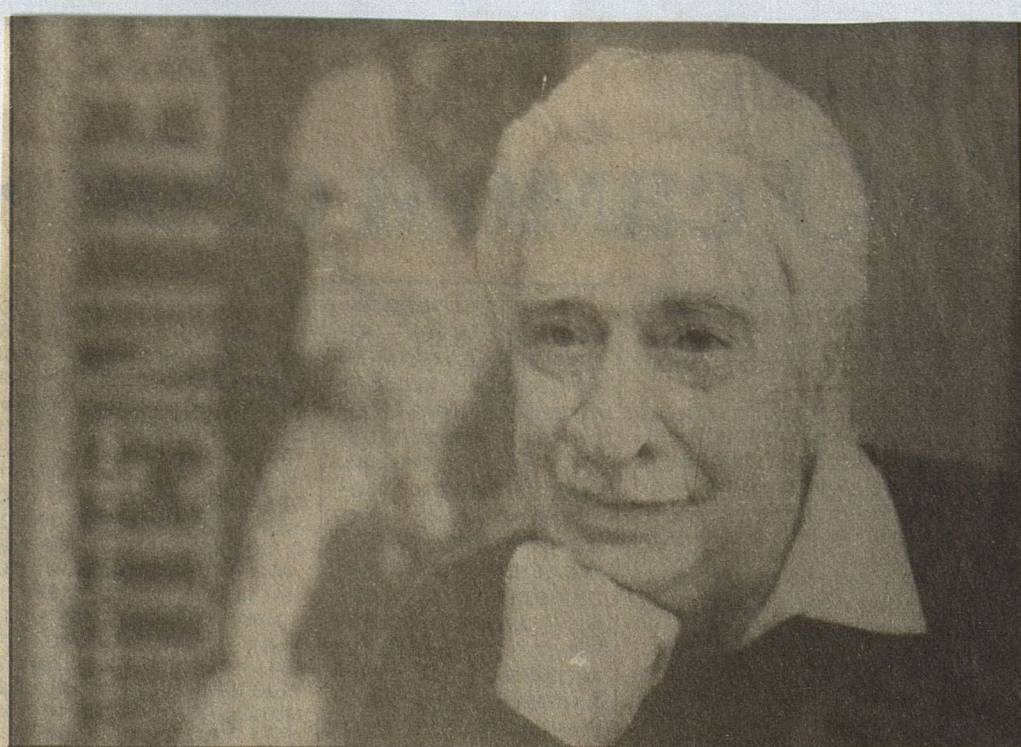

Олег ЛУНДСТРЕМ:

Воск. 19.7.94 - 19 июля - с. 7

«А по-русски я Рошин-Потоцкий»

Только что в столице закончился Второй московский международный джазовый фестиваль, который в этом году был посвящен 60-летию оркестра Олега Лундстрема.

Имя этого великого джазиста давно стало легендой. А 78-летний руководитель оркестра Олег Леонидович Лундстрем на сцене все такой же грациозный, подвижный, аристократичный и, конечно, бесконечно добрый.

В перегруженные репетициями предфестивальные дни маэстро выкроил время для встречи с нашим корреспондентом.

- Олег Леонидович, от вашего оркестра исходит такое тепло, что, кажется, пропиталась этим теплом и ваша варяжская фамилия.

- На самом деле варяжская. Наши корни уходят далеко на север. А родословную свою я знаю, начиная от прадеда по отцовской линии и от деда по материнской. Мое появление на свет было обусловлено целым рядом прямо-таки романтических событий. Прадед Лундстрем жил недалеко от шведско-финской границы. Мне как-то один шведский журналист сказал: «О, я знаю этот город, там половина жителей - Лундстремы». Потом он с сыном и дочерью ушел сначала в Финляндию, которая входила в состав Российской империи, а оттуда спустился в Петербург.

Дед мой после русской гимназии окончил лесной институт и как ученый-лесовод был назначен заведовать лесами Казанской губернии, где он женился на русской Анне Константиновне, затем с двумя детьми, одним из которых был мой отец, отправился на Алтай охранять леса Его Императорского Величества и даже получил звание действительного статского советника. Наконец был переведен заведовать лесами Забайкальского края. Там мой отец встретил мою мать.

По линии матери родос-

словная несколько иного рода. Дед был внучатым племянником Тараса Шевченко, внуком его сестры, из херсонских крестьян. И, конечно, воспитан был в духе революционном, народолюбивом. Они затеяли в Одессе покушение на царя. Но заговор был разоблачен, и деда приговорили к расстрелу. А бабушка моя, которая была гречанкой, бросилась в ноги генерал-губернатору, и тот добился замены расстрела вечной каторгой в Сибирь. Когда царь умер своей смертью, случилась амнистия, и деда оставили на вечное поселение в Чите, без права выезда. Бабушка-гречанка отправилась к нему из Одессы в Сибирь на тарантасах. В Чите родилась моя мама. Там она встретила моего отца. Так эти две линии сошлись, и 2 апреля 1916 года родился я, а через год и четыре месяца - мой брат Игорь.

Когда на одном международном фестивале меня попытались двоюродные братья, швед и грек, к какому народу я себя отношу, я сказал, что моя национальность - «из варяг в греки».

Я об этом рассказываю, кажется, впервые и с особым удовольствием. Потому что человек без родословной - никто.

- Говорят, что общепринятое произношение вашей фамилии у нас в России не совсем правильное.

- Вообще-то я привык, но все равно слух режет. Ударение, конечно, должно быть по-шведски, на первом слоге, а не по-французски - на последнем. Единственный человек, который сразу назвал меня правильно, еще не будучи знаком со мной лично, это Дмитрий Шостакович. Он выступал на совещании по развитию легкой музыки, я тогда еще жил в Казани, и сказал: «Мне удалось послушать записи Татарского оркестра под управлением Олега Лундстрема».

Между прочим, прямой перевод со шведского «лунд» - это «роща», а «стрем» - это «поток». Так что по-русски я Рошин-Потоцкий.

- География вашей жизни не менее интересна, чем ваша родословная. Ваш оркестр ведь начинался в Китае.

- Да, отца в 1921-м пригласили на КВЖД, и мы жили в Харбине. Там я после гимназии учился в политехническом институте, и там же берет начало наш оркестр.

Между прочим, недавно в одной из газет было написано, что состоял наш оркестр в тридцатые годы в Харбине, а затем в Шанхае, куда мы перебрались, из русских эмигрантов. Да ничего подобного! Мы все были советские граждане, все до одного, просто работали на территории Китая. И когда уехали в Шанхай, руководитель зала, где мы должны были выступать, повесил объявление - «Джаз-оркестр из Москвы». Я говорю: «Да мы в Москве и не были никогда». А мне отвечают: «Вы же граждане СССР. А остальное - наше рекламное дело, которое вас не касается».

- Что же привело вас, молодого человека из политехнического института, к музыке?

- Примерно в 32-м году я зашел в Харбине в боль-

шой универсам, чтобы подобрать пластинки для вечеринки. Тогда весь мир танцевал фокстрот. И случайно, совсем случайно напал на пластинку неизвестного оркестра. Прослушал ее прямо в магазине и купил. Это была пластинка Дюка Эллингтона «Дорогой старый юг», она и сейчас у меня хранится, вот посмотрите, реликвия. Мелодии эти мы до сих пор исполняем.

А тогда мы все были ошеломлены. Этот стиль Эллингтон назвал «джангл» (джунгли), там такие звуки были, такие засурдинные трубы... В общем, за его пластинками мы уже всей компанией стали гоняться, а потом создали свой биг-бэнд, и меня ребята сделали руководителем. Это произошло в 34-м, то есть оркестру действительно 60 лет, и своим появлением мы обязаны Великому Дюку.

С Эллингтоном мы встретились впервые здесь, у американского посла. Разговорились по-английски - я знаю этот язык, как и французский, и я ему сказал: «Если бы не вы, я был бы инженером путей сообщения». Он поразился: как это интересно! Но как давно это было!

- А с Утесовым, скажем, ваши пути не пересекались?

- Как же не пересекались?! Вот, пожалуйста, это его последняя фотография 1982 года.

Был творческий отчет его оркестра в Союзе композиторов. Причем Леонид Осипович уже заболел, просто не знал, что это его последняя болезнь. У него была температура, и он позвонил, сказал, что приехать не сможет. Из-за этого моя жена даже отказалась идти на концерт. А я пошел. В антракте зашевелилась занавеска - и лицо Утесова. Пришел, не вытерпел. Естественно, сразу загремели аплодисменты.

До этого выступали певцы - все лауреаты конкурса, пели его песни в первом отделении. Вызвали Леонида Осиповича на сцену, он отнекивался, дескать, болен, дескать, «перед вами человек, которому без тринадцати сто». Зал начал скандировать - а там все сидели музыканты, композиторы: «Песню! Песню!» Утесов развел руками и позвал из зала Николая Минха, поставил его, своего ученика, перед оркестром и попросил: «Давай «Жили два друга». И он так спел... Все лауреаты перед ним померкли, все! Зал встал и устроил ему овацию.

Потом мы зашли в кабинет директора, я его поздравил и, кажется, впервые сказал ему, что я всегда знал и всем говорил, что «не было бы вас, не было бы и нас». Вот тут мы и сфотографировались с Леонидом Осиповичем и его женой Антониной Сергеевной.

На другой день разда-

товил почву для всех джазменов.

- Расскажите немного про свою жену, она ведь актриса.

- Мы уже скоро сорок лет вместе. Галина Алексеевна действительно драматическая актриса. Познакомились мы с ней, когда всей группой добились возвращения в Союз, сначала в Казань. Довольно долго, до 1964 года, пришлось там жить, хотя от Московской филармонии мы начали работать еще в 1956 году. Ждали, пока в столице построят квартиры. Жена все это время работала в Казанском театре, она очень хорошая актриса. Но в Москве работать не пошла.

- А как насчет продолжателей столь знаменитого рода?

- У нас детей нет. Но род продолжается по линии моего брата. Игорь тоже почти всю свою жизнь проработал в нашем оркестре. Но он умер, а дети его остались. Сын, Леонид, делает карьеру в Большом театре, он скрипач. А вот племянница моя, хотя и пианистка, но обзавелась четырьмя детьми, и ей не до карьеры.

- Есть ли в нынешнем составе вашего джаза те, с кем вы начинали в Харбине и Шанхае?

- Остался бывший трубач, сейчас он второй дирижер и звукорежиссер - Алексей Афанасьевич Котляков. На юбилей мы пригласили и остальных ныне здравствующих - бывшего тромбониста первого состава Анатолия Петровича Миненко, альтиста-саксофониста Владимира Алексеевича Серебрякова, они оба живут в Казани, и конечно, моего друга детства, с которым мы с первого класса сидели за одной партой, потом он у нас был контрабасистом, а сейчас на пенсии - Александр Иванович Грависа. Из тех харбинских друзей была еще писательница Наталья Ильина, но она в январе умерла.

- Есть ли в бывшем Союзе города, где не играл бы ваш оркестр?

- Ну разве что самые маленькие. Это сейчас гастролями трудно, кругом нужны спонсоры.

- А как с Книгой рекордов Гиннеса?

- Пока у меня вот тут, на столе, висит свидетельство о вхождении в Книгу рекордов, но, говорят, документы отправлены и в Лондон.

- Чтобы 60 лет руководить одним, пусть и постоянно обновляющимся коллективом, какие принципы надо исповедовать? Вы, наверное, очень добрый человек?

- Я учился дирижерскому искусству уже в Казани, учителем моим был профессор Шерман, учившийся в свою очередь у профессора Малько, который в 20-е годы уехал на гастроли и не вернулся, был главным дирижером австралийского оркестра в Мельбурне. Так вот, у Малько вышла книга «Основы техники дирижирования», где он говорит, что горе тому дирижеру, у которого оркестр состоит из профессионалов и любителей. И это горе мы до последнего времени испытывали, так как не было должной профессиональной подготовки музыкантов для джаза.

А вообще для меня очень дорого признание Гюнтера Шуллера, который считается лучшим исполнителем музыки Стравинского в Америке, крупнейшим специалистом по джазу, он и автор книги «Эра свинга». Он сказал, что сейчас даже в Штатах стало тяжело держать биг-бэнды, но меня назвал счастливым человеком. «Потому что ты в 18 лет встал перед оркестром и до сих пор им дирижируешь. Это во всем мире доступно лишь единицам». И я согласен, что я - счастливый человек.

- Еще недавно с вашим оркестром пела Ирина Отиева. Почему она ушла?

- Чтобы петь самостоятельно и зарабатывать больше, чем можем предложить мы, поскольку находимся на государственной дотации. Это во всем мире из бюджета платят музыкантам больше, чем в ресторанах. У нас все наоборот.

Сейчас у нас поют бывшая одесситка Светлана Рубина и замечательный вокальный квартет «Москва-Транзит», который блестяще исполняет «Чаттанугучу» из «Серенады Солнечной долины». Мы даем 15-16 концертов в квартал, все больше в Москве.

- Есть ли у вас свои пристрастия в поп-музыке, в рок-музыке?

- Это не моя специальность. Но по этому поводу очень верно сказал один американский импресарио, когда мы от Росконцерта еще выступали в США. Он поинтересовался, какие коллективы входят в Росконцерт, и директор стал ему перечислять: симфонический оркестр, камерный оркестр, струнный квартет, солисты, камерный хор, джаз, есть рок и поп... Импресарио сделал протестующий жест рукой, такое останавливающее движение: «Мы интересуемся только искусством.» Хотя, кажется, в Америке-то поп-звезд хватает.

А джаз - это все-таки истинное искусство. И сейчас мы с вдохновением работаем над программой из шести концертов «История биг-бэндов в джазе», начиная от «Настроения индиго» Эллингтона и до нынешних мелодий и аранжировок.

Беседовала Валентина ПЯНКОВА.

Снимки Бориса КРЕМЕРА и из архива Олега Лундстрема - Олег Леонидович считает, что это последняя фотография Л.О. Утесова.

19.7.94.

Лундстрем Олег Леонидович